

Litera

Правильная ссылка на статью:

Бозорова Д.Т. Интертекстуальные фреймы: особенности и виды интертекстуальных фреймов (на материале художественных текстов) // Litera. 2024. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.11.72100 EDN: RFIRZE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72100

Интертекстуальные фреймы: особенности и виды интертекстуальных фреймов (на материале художественных текстов)

Бозорова Дилшода Тулкин Кизи

ORCID: 0000-0003-1109-9600

аспирант; Институт иностранных языков; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1042225297@pfur.ru

[Статья из рубрики "Интертекстуальность"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.11.72100

EDN:

RFIRZE

Дата направления статьи в редакцию:

28-10-2024

Аннотация: С момента своего первоначального осмыслиения термин «интертекстуальность» стал предметом многочисленных дискуссий и анализа. Тем не менее существует ряд аспектов интертекстуальности, которые до сих пор не получили широкого изучения. Данное исследование посвящено изучению интертекстуальных фреймов, которые представляют собой значительную, но недостаточно изученную область в сфере интертекстуальности. Предметом данного исследования является изучение отличительных характеристик интертекстуальных фреймов, проведенное посредством фреймового анализа литературных произведений. Основной целью исследования является обоснование особенностей интертекстуальных фреймов и их различных проявлений. Малочисленность исследований по этой теме не только подчеркивает ее актуальность, но и ограничивает количество исследований, которые могут быть использованы в качестве основы для исследования. В данной работе в качестве первоисточника используется исследование, проведенное М.Е. Панагиотиду.

Однако важно отметить, что методология, использованная в данном исследовании, существенно отличается от той, что применялась в фундаментальном исследовании. Кроме того, данное исследование можно разделить на две отдельные части: теоретическую и практическую. В частности, помимо теоретической информации, связанной с использованием термина, в статье представлен анализ интертекстуальных фреймов, которые могут существовать для стихотворения русского поэта С.А. Есенина «Письмо к сестре». Также данное исследование отличается от существующих тем, что в нем рассматривается возможность возникновения интертекстуальных фреймов между носителем и пользователем неродного языка. Более того, новизна исследования подчеркивается рассмотрением различных качеств, которые служат основой для развития интертекстуальных фреймов. Полученные результаты имеют значение для целого ряда научных дисциплин, включая лингвистику, сравнительную лингвистику, переводоведение, лингвистику текста и когнитивную лингвистику. Хочется надеяться, что данное исследование послужит основой для будущих исследований по данной теме и что в последующих работах этот вопрос будет рассматриваться более глубоко и широко.

Ключевые слова:

виды интертекстуальных фреймов, двумерность, интертекстуальные знания, интертекстуальные фреймы, межтекстовая связь, особенности интертекстуальных фреймов, фоновые знания, фрейм анализ стихотворения, читатель, текстура

Введение

Обсуждение взаимосвязи текстов вывело концепцию отношений между «писателем, текстом и читателем» на новый уровень понимания. Процесс этой трехсторонней цепи взаимосвязей породил множество подходов и новых перспектив. В частности, можно заметить, что процесс восприятия интертекстуальности сочетается с pragматическими условиями [4, с. 61], либо связан с актами метатропы, состоящей из особых «пучек» [8, с. 54]. Термин «метатропа», введенный Ю. М. Лотманом [5, с. 59], представляет собой своеобразную стратегию восприятия взаимосвязанных текстов, причем такие структуры выражались разными исследователями под разными названиями: «фрейм», «схема», «сценарий», «глобальная модель», «псевдотекст», «когнитивная модель», «основание», «сцена» и др. [9, с. 54]. Они различны по типологии и отличаются друг от друга по выводам, сделанным на их основе. Однако можно констатировать, что одной из структур, лучше всего выражающих интертекстуальность, являются интертекстуальные фреймы. Тем не менее, можно заметить, что количество исследований, посвященных этой теме, недостаточно. Например, в качестве последних исследований можно представить только следующие: исследование интертекстуальных фреймов в медиа дискурсе, где имена собственные и их производные служат интертекстуальными маркерами, [18] или же, анализ интертекстуальности и ее трансляция в контексте семантики фрейма [22]. В свете вышеизложенного данное исследование характеристик и компонентов интертекстуальных фреймов можно считать актуальным. Более того, оно может быть включено в существующий массив литературы по данной теме. Однако важно отметить, что данное исследование обладает отличительными особенностями. Так, в отличие от традиционного подхода к анализу фреймов, в нем используется сопоставительная методология для изучения интертекстуальных фреймов у носителей и не носителей языка. В следующем

разделе представлен краткий теоретический анализ темы, после чего рассматриваются практические аспекты исследования.

Методология

Активизация интертекстуальных знаний связана с формированием интертекстуальных фреймов [16, с. 77]. У. Эко был пионером в использовании термина «интертекстуальные фреймы», указав, что ни один текст не читается независимо от восприятия читателем других текстов [10, с. 21]. Выясняя отличие общих фреймов от интертекстуальных, последние он связывает с уже литературными «толосами», повествовательными схемами [17, 19, 20], тогда как первые формируются в сознании читателя с помощью накопления им энциклопедических знаний и главным образом правил практической жизни [1, 15]. Точно так же он приравнивает жанровые условности к схематизированному знанию, утверждая, что интертекстуальные фреймы более редуцированы, чем обычные. Кроме того, он пренебрегает рассмотрением альтернативных потенциальных связей, которые могли бы возникнуть в результате более тщательного и лингвистически точного изучения художественного текста. В свете того, что последний случай считается более значимым, М. Е. Панагиотиду использует этот термин в иной манере. Для нее этот термин означает создание онлайн-домена, в котором текстовые данные сходятся с интертекстуальными знаниями, образуя тем самым синтез. Ее точка зрения опирается на теорию концептуального смешения, выдвинутую Г. Фоконье и М. Тернером [12, с. 40]. Поэтому мы вначале сосредоточимся на этой теории. Анализ этого процесса становится более понятным, если представить его в виде изображения (Рис. 1). В своей модели концептуальной сети Г. Фоконье и М. Тернер [12, с. 46–48] представляют ментальные пространства в виде кругов, элементы внутри этих пространств – в виде точек, а связи между элементами в разных пространствах – в виде линий. Круги и точки представляют нейронные и когнитивные процессы, а линии символизируют коактивационные связи. Сплошные линии представляют связи, которые образуются в результате совпадения. Ментальные пространства формируются в реальном времени на основе фреймов, которые можно определить как долгосрочные концептуальные знания. Связи между элементами могут быть разных типов: тождественные, метафорические и аналоговые. При концептуальном смешивании входные пространства предоставляют доступную нам информацию, а пространство смешивания является нашей интерпретацией этой информации в определенный момент времени. Элементы, которые коррелируют в разных входных пространствах, представлены точками, а эмерджентная структура, которая не присутствует во входных пространствах, представлена маленькими кружочками в пространстве смешивания. Эмерджентная структура возникает в результате проекций, основанных на фреймах, сценариях и проработке. Общее пространство – это ментальное пространство, включающее элементы, общие для разных входных пространств.

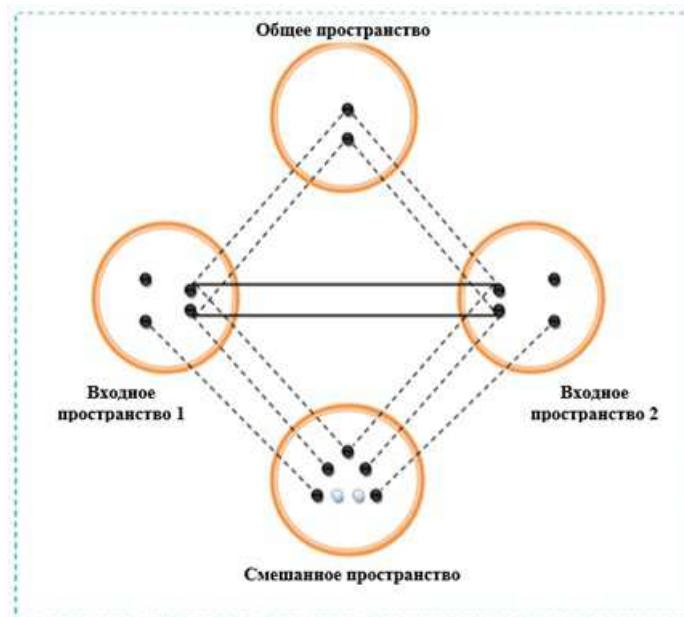

Рисунок 1. Базовая схема концептуальной сети смешивания

По сути, концептуальное смешивание подразумевает структурную проекцию разрозненных входных пространств в новое ментальное пространство, обозначаемое как «смешанное пространство». Входные пространства символизируют информацию, имеющуюся в нашем распоряжении, а термин «смешивание» включает в себя нашу интерпретацию этой информации в свете нашего текущего понимания. Для того чтобы концептуальное смешивание стало реальностью, необходимо наличие как минимум двух входных пространств. И теперь, прежде чем вернуться к понятию интертекстуальных фреймов, необходимо рассмотреть еще один термин, который лежит в основе взглядов М. Е. Панагиотидоу. Это термин «домен», введенный Р. В. Лангакером [14, с. 148–149], который используется для обозначения контекста, характеризующего семантическую единицу. Домены концептуализируются как ментальный опыт, репрезентативные пространства, концепции или концептуальные комплексы. Например, лексические понятия «холодный», «горячий» и «теплый», выраженные в температурном домене, зависят от понимания системы температур. Без такого понимания значение этих слов не может быть полностью понято. Если пересмотреть вышеупомянутое определение, то интертекстуальные фреймы означают создание онлайн-домена, в котором текстовые данные сходятся с интертекстуальными знаниями, образуя синтез. Иными словами, в соответствии с теорией концептуального смешения интертекстуальные фреймы включают в себя два разных типа информации во входных пространствах. Одно входное пространство содержит информацию, относящуюся к тексту, а другое – интертекстуальные знания читателя, которые могут быть связаны с определенными лексическими единицами или стилистическими элементами литературного текста. Эти два пространства объединяются в смешанное пространство, которое называется интертекстуальным фреймом. Это смешанное пространство включает в себя текстовую и интертекстуальную информацию, и взаимодействие между этими двумя типами информации влияет на читательский опыт. Чтобы лучше понять процесс активации интертекстуальных фреймов, поучительно рассмотреть следующий пример из поэмы О. Мандельштама "Муравьи" (1924).

Муравьи

Муравьев не нужно трогать:
Третий день в глуши лесов

Все идут, пройти не могут
Десять тысяч муравьев.

Как носильщик настоящий
С сундуком семьи своей,
Самый черный и блестящий,
Самый сильный — муравей!

Настоящие вокзалы —
Муравейники в лесу:
В коридоры, двери, залы
Муравьи багаж несут!

Самый сильный, самый стойкий,
Муравей пришел уже
К замечательной постройке
В сорок восемь этажей.

В этом стихотворении интертекстуальный фрейм, вероятно, создается, когда читатель сталкивается с лексической единицей 'муравей'. Читатель может вспомнить предыдущие встречи с этой лексической единицей в других литературных текстах, опираясь на имеющиеся у него знания. Для целей данного обсуждения мы предположим, что активируется басня И. Крылова «Стрекоза и муравей», впервые опубликованная в 1808 году. В результате формируется фрейм, состоящий из двух входных пространств: во-первых, текстовой информации о мандельштамовском муравье, во-вторых, знаний читателя об активированном стихотворении. Создание интертекстуального фрейма может оказывать значительное влияние на читательский опыт, поскольку конкретный читатель может вспомнить свои знания о признаках муравья И. Крылова. Эти признаки могут быть спроектированы на мандельштамовское существо, тем самым влияя на восприятие читателем трудолюбивого насекомого. Более того, интертекстуальный фрейм может оставаться активированным и влиять на интерпретацию других элементов текста вплоть до конца стихотворения О. Мандельштама. Однако следует отметить, что М. Е. Панагиотиду не первая, кто выдвинул эту теорию. [\[11\]](#). Учитывая, что ее исследование опирается на типологию интертекстуальных фреймов и их определяющих признаков, будет проведено их подробное рассмотрение.

Виды интертекстуальных фреймов

Прежде чем приступить к рассмотрению типов интертекстуальных фреймов, целесообразно обсудить понятие интертекстуального знания, которое служит основой для их формирования. Если фоновые знания определяются как хранилище информации или знаний по определенной теме, приобретенных в результате жизненного опыта, то интертекстуальные знания можно рассматривать как особую форму знаний, которыми человек обладает в результате взаимодействия с литературными текстами. Эти знания мобилизуются главным образом в процессе чтения литературного произведения, но они могут возникать и в других контекстах, когда делаются ссылки на литературные тексты или объекты. Выделяются две категории интертекстуального знания: тематическая (thematic) и стилистическая (stylistic) [\[16, с. 71\]](#). Тематическая категория также делится на две подкатегории: тематическую (topical) и семантическую (semantic). Семантическое интертекстуальное знание включает запоминание лексических элементов, центральной идеи или темы литературных произведений. Оно особенно важно для лаконичных форм текстов, включая стихи. Тематическое интертекстуальное знание содержит информацию

о литературных произведениях в целом, включая персонажей, их отношения, действия, место и время. Например, читатель, ознакомившийся с «Маленьким принцем», может запомнить персонажей: Маленького принца, его розу, рассказчика, лиса, а также различных равнодушных и эгоистичных взрослых. Кроме того, пустыня Сахара, где происходят события. Стилистическое интертекстуальное знание относится к схематическому пониманию и включает формульные выражения и фразы, такие как «быть или не быть», «блажен, кто не допил до дна» и т. д. Все эти виды интертекстуальных знаний помогают читателю понять и воспринять литературные произведения. В соответствии с классификацией интертекстуальных знаний, выделяются три основные категории интертекстуальных фреймов: семантические, тематические и стилистические интертекстуальные фреймы. Формирование семантических интертекстуальных фреймов зависит от распознавания конкретных языковых элементов, таких как глаголы или существительные, в контексте литературных произведений. Эти слова воспринимаются не только как триггеры интертекстуального смысла, но и как носители собственного интертекстуального смысла (например, стихотворение «Муравьи»). В отличие от этого, тематические интертекстуальные фреймы строятся путем выделения нескольких семантических фреймов. Эти фреймы более сложные и могут включать в себя обширную информацию, такую как места, события и персонажи, связанные с конкретными текстами. Стилистические интертекстуальные фреймы возникают, когда читатели обнаруживают в литературных текстах шаблонные фразы или жанровое сходство.

Следует отметить, что интертекстуальные фреймы важны, поскольку они активизируют художественный текст и накопленные читателем знания. По мнению М. Е. Панагиотиду, они подобны хранилищу знаний и активизируются при чтении литературных произведений. Таким образом, в зависимости от типа интертекстуального фрейма, он может содержать информацию от простой до сложной. Кроме того, интертекстуальные фреймы могут быть полезны для понимания и интерпретации текста, а также влиять на читательский опыт.

Особенности интертекстуальных фреймов

Понятие интертекстуальных фреймов, относящееся к когнитивным процессам, характеризуется двумя ключевыми признаками: двумерностью и текстурой [16, с. 83]. Их двумерность естественна, так как возникает благодаря сочетанию интертекстуальных знаний, основанных на ранее существовавшем читательском опыте, с одной стороны, и статичном, неизменном текстовом пространстве, с другой. Как уже говорилось ранее, интертекстуальное знание отличается от общего знания. Оно формируется под влиянием множества факторов, включая образование, личные предпочтения и подготовку. Несмотря на неизменность основного содержания текста, читатель может сосредоточиться на конкретных словах и фразах благодаря своим интертекстуальным знаниям о тексте. Тем не менее, активизация и применение интертекстуальных знаний в конкретном тексте зависит от активного участия читателя в процессе чтения.

В отличие от гипотез, выдвинутых другими учеными [13, 21], термин «текстура» используется в исследовании М. Е. Панагиотиду как средства характеризующего качество активированного фрейма. Это достигается путем изучения влияния активации на процесс чтения и связанных с ним особенностей. Она также определяет четыре критерия текстуры. Это критерии текстуальности, специфичности, резонанса и детализации, которые служат для описания качества фреймов. Первые два критерия основаны на тексте в целом, а следующие два генерируются читателем (Рис. 2).

Аналогично, личный опыт читателя, связывающий объем интертекстуальных знаний с текстовым событием, регулирует его продолжительность. Одна бинарная композиция, рассматривающаяся как необходимое условие элементов текста, а другая – критерии, составляющие сеть когнитивных механизмов читателя, более наглядно представляют двумерный характер интегрированной информации интертекстуальных фреймов.

Кроме того, текстуальность подразделяется на сильный и слабый типы, что определяет, является ли влияние читателя на активацию интертекстуальных знаний значительным или эта ситуация опирается на весь текст. Если текст узнаваем и понятен читателю и имеет четкое ощущение знакомости, он воплощает сильную текстуальность. С другой стороны, если текст не определен и создает ощущение смутного знакомства, это представляет собой слабую текстуальность.

Текстура так же взаимосвязана со вторым критерием, который в зависимости от своих типов образует определенную и неопределенную специфичность. Другими словами, текстура определяет длительность интертекстуального фрейма. То есть, оказывает ли новая межтекстовая связь длительный эффект на впечатление от чтения или же она быстро угасает после установления. Еще одним важным критерием является резонанс, влияющий на вовлеченность читателя в текст. Более того, детализация относится к объему и детализации базовых знаний. Если есть неясное сходство с текущим текстом через слово или фразу, то индекс детализации низкий, а если наоборот, то детализация может быть оценена как высокая. Противоположные качества критериев можно объединить в две целостные группы: «точные» ("fine") и «слабые» ("faint"). Они проиллюстрированы на следующем графике (Рис. 2). На одной стороне текстуры «точный» выражается сильными атрибутами, на другой - «слабый» выражается противоположными атрибутами.

Рисунок 2. Точная и слабая интертекстуальная текстура

Обсуждение и результаты работы

Активация интертекстуальных фреймов зависит от читателя, что ограничивает создание паттернов. Несмотря на наличие общей базовой информации, методология, используемая для исследования этого когнитивного процесса, отличается вариативностью. Точно так же интертекстуальный фрейм проявляется в разных формах при чтении разными людьми.

При внимательном прочтении стихотворения С. А. Есенина «Письмо к сестре» можно обнаружить интертекстуальные отсылки к другим поэтам и даже конкретную строку из одного из самых знаменитых произведений. Согласно интерпретации М. Е. Панагиотиду, это соответствует третьему типу интертекстуальных фреймов – стилистическому. Это связано с тем, что в стихотворении цитируется известное выражение:

Мне жаль тебя.
Останешься одна,
А я готов дойти
Хоть до дуэли.
«Блажен, кто не допил до дна»
И не дослушал глас свирели.

Кроме того, читатель может воспринять побудительный импульс, исходящий от некоторых единиц, представленных в начальной строке стихотворения:

О Дельвиге писал наш Александр,
О черепе вылакивал он
Строки.

Упоминание имен Александр и Дельвиг в этой строке, скорее всего, приведет к активизации интертекстуального фрейма. Предположим, что активируется стихотворение «К Делигу», написанное А. С. Пушкиным в 1815 году. Иными словами, лексические выражения из стихотворения С. А. Есенина интегрируются в одно входное пространство, а активированное стихотворение – в другое. Более того, вторая и третья строки стихотворения также служат для характеристики этого активированного стихотворения. В целом, это стихотворение, написанное в ответ на стихотворение «К А. С. Пушкину», написанное в 1814 году А. Дельвигом, современником А. С. Пушкина. Примечательно, что оба поэта в стихотворениях, посвященных друг другу, ссылаются на мифологические фигуры, которые служат интертекстуальными маркерами. К ним относятся, в частности, Киприда, Феба, Вакх, Стикс, Аполлон, Либера, Крон, Эрот и другие мифологические и исторические имена. Кроме того, в стихотворениях обоих поэтов особое внимание уделяется мифологической фигуре Фебы. По ходу стихотворения читателю становится известна личная история поэта, включая воспоминания о детстве и связанные с ним эмоции. Затем поэт вновь обращается к А. С. Пушкину, на этот раз «Саша». Он цитирует стихотворную строку из знаменитого произведения А. С. Пушкина. Это побуждает читателя вспомнить другое произведение А. С. Пушкина. Также вводится термин «дуэль». Это понятие напрямую связано с жизненным опытом А. С. Пушкина. В конце стихотворения он возвращается в сад, который описывается как солнечный. При чтении этого стихотворения читатель может задействовать не только один интертекстуальный фрейм, но и несколько интертекстуальных цепочек. (Рис. 3). Наличие нескольких входных пространств и активированных стихотворений позволяет читателю взглянуть на предмет с разных точек зрения, включая понимание жизни и поэтического пути С. А. Есенина, а также более широкие рассуждения о поэтической жизни в целом.

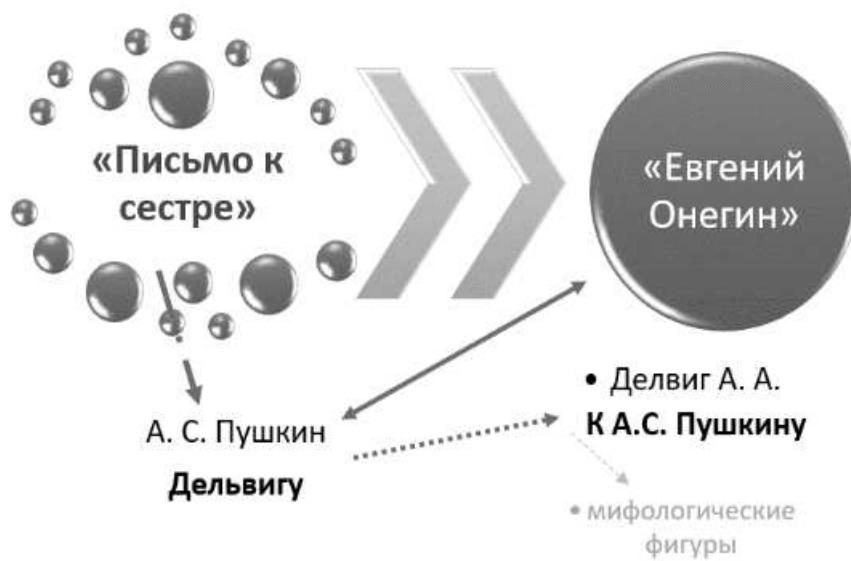

Рисунок 3. Интертекстуальный фрейм – анализ стихотворения «Письмо к сестре» С. А. Есенина

Однако нас интересует и другой аспект, а именно: процесс, в ходе которого читатель, владеющий определенным языком, читает и воспринимает текст на родном языке, может отличаться от процесса чтения и восприятия читателя, который знает этот язык, но для которого он является иностранным. Следовательно, интертекстуальные фреймы в этих двух случаях могут проявляться в совершенно разных формах. В отличие от других исследований в этой области, данное исследование также изучает интертекстуальные знания читателей, для которых язык не является родным. Цель постановки этого вопроса в данном исследовании – выявить общие элементы, которые вызывают активацию интертекстуальных фреймов. В предыдущем разделе мы обсудили качества, которые оценивают активированные интертекстуальные фреймы. Важнейшим аспектом данного исследования являются характеристики, которые непосредственно влияют на формирование интертекстуальных фреймов. Этот феномен освещается на следующих примерах.

Стоит отметить, что вышеупомянутая цепочка интертекстуальных знаний, скорее всего, будет активирована при чтении этого стихотворения читателями, знакомыми с языком А. С. Пушкина. Однако уместно также рассмотреть, как это повлияет на читателя, если он будет читать узбекский перевод стихотворения:

Yolg'iz qolarsan.
Men esam tayyorman
Duelga, hatto.
«Baxtildir jomini ichib bo'limgan»
Va tinglab bo'limgan naydan ham navo (Перевод узбекского поэта Э. Вахидова).

В этом случае интерпретация стихотворения во многом зависит от знакомства читателя с данным литературным произведением. Во втором случае можно предположить, что через имена Александр и Дельвиг не активируется никакое литературное произведение. Не исключено, что интертекстуальный фрейм может возникнуть из отрывка из произведения А. С. Пушкина. Однако особенности творчества С. А. Есенина снижают вероятность того, что интертекстуальный фрейм будет активирован, как это показано на рисунке 3, через стихотворение читателя, прочитанное на узбекском языке. Однако следует учитывать и другую особенность: если читатель не обладает достаточной информацией (то есть знаком с поэтом, но не знаком с его творчеством) или есть смутное знакомство, то

обращение к творчеству поэта через этот стих позволяет ему получить необходимую информацию или продолжить чтение текста с этой неопределенностью.

В качестве дополнительной иллюстрации, в отличие от М. Е. Панагиотиду, мы сосредоточились на обсуждении процесса интертекстуальных фреймов в прозаических произведениях. Так, при чтении рассказа Н. Эгамова «Нарисуй мне, пожалуйста, маленького барашка...» Или 880 001-го письма Маленькому принцу», определенные интертекстуальные связи могут возникнуть благодаря его названию еще до начала чтения рассказа. Прочитав название, читатель может сразу вспомнить «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери. Тем не менее, мы не будем подробно останавливаться на анализе этих интертекстуальных связей, поскольку этот процесс был подробно рассмотрен в нашем предыдущем исследовании. В данный момент важно то, что первый прочитанный рассказ на любом языке вызывает в памяти следующую упомянутую новеллу и может формировать тематический тип интертекстуальных фреймов. В связи с этим возникает вопрос, зависит ли формирование интертекстуального фрейма в первую очередь от интертекстуальных знаний читателя или от самого текста. Можно утверждать, что знакомство с текстом также связано с интертекстуальными знаниями читателя. Однако «Маленький принц» — это такое произведение, которое, по словам Ю. Н. Караулова, можно назвать прецедентным текстом, который известен и знаком широкому кругу предшественников или современников [2, с. 216]. В современном понимании термин «прецедент» можно выразить как стремление к усилению выразительности, информативности и привлекательности [6]. Это проявляется в виде прецедентных имен, высказываний и ситуаций, распространяемых в различных средствах массовой информации [3]. Кроме того, он связан с понятием «атрибуция» как основного компонента интертекстуальной единицы [7]. Можно сделать обоснованный вывод о том, что формирование интертекстуальной связи зависит от характеристик рассматриваемого текста. Значительную роль в этом играют такие факторы, как то, ссылается ли текст на известное произведение или наоборот, является ли ссылка явной или скрытой и так далее. К текстуре, которая является одной из особенностей интертекстуальных фреймов и упоминается выше, можно добавить такие критерии как прецедентность, выразительность и внесвязность. Это показатели, которые могут служить основанием для активации фрейма. Однако четыре качества текстуры, предложенные М. Е. Панагиотиду, являются характеристиками качества активированного фрейма. Если текст ссылается на новеллу, обладающую качеством прецедентности, о котором говорилось выше, то можно сказать, что он обладает качеством прецедентности; и наоборот, если нет, то можно сделать вывод, что он не обладает этим качеством. Кроме того, можно выделить несколько форм выразительности: эксплицитную, имплицитную и крючковую. Если в тексте прямо говорится о чем-то, например, цитируются конкретные отрывки из текста или известные фразы (такие, как упомянутые выше), то его можно считать эксплицитной репрезентацией. И наоборот, если в тексте ничего явно не говорится, то его можно считать скрытой репрезентацией. Более того, если в тексте содержится лишь некоторое количество зацепленных предложений или знаков, например, использование имен «Саша» и «дуэль», то его можно отнести к формам зацепленной выразительности. Если читатель, опираясь на свои фоновые знания, устанавливает определенные интертекстуальные связи, которые не указаны явно или не связаны друг с другом. Например, при фрейм-анализе поэмы С. А. Есенина читатель может выявить мифологических персонажей (в стихотворениях, написанных двумя поэтами друг другу, и заметить, что оба поэта делают акцент на Фебе), которые не имеют прямого отношения к творчеству С. А. Есенина. Подобные связи могут служить примером внеродственного качества.

Заключение

Данное исследование посвящено интертекстуальным фреймам - относительно малоизученному аспекту интертекстуальности. Цель исследования заключалась в том, чтобы получить представление о разнообразных проявлениях фреймов посредством фреймового анализа литературных произведений. Опираясь на работу М. Е. Панагиотиду, в данном исследовании была предложена особая методология, включающая теоретические и практические элементы, для анализа интертекстуальных фреймов в поэме С. А. Есенина «Письмо к сестре». Отличительной особенностью данного исследования стало рассмотрение интертекстуальных фреймов между пользователями родного и неродного языков. Кроме того, в исследовании были рассмотрены различные качества, способствующие возникновению интертекстуальных фреймов, что добавляет ему новизны. В целом, данное исследование стремилось пролить свет на интертекстуальные фреймы и их характеристики, обеспечивая ценное понимание этой малоизученной области интертекстуальности.

Библиография

1. Charniak E. A partial taxonomy of knowledge about actions 1975. С. 91-97.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов, 7-е изд., Москва: ЛКИ, 2010. 261 с.
3. Кузьмина Л.А. «Псевдопрецедентные» знаки высокой культуры с источником цитирования «Ф.М. Достоевский» в современном медиатексте // Litera. 2022. № 10. С. 50-61. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.10.39021 EDN: EITEGW URL: https://e-notabene.ru/fil/article_39021.html
4. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н. А. Кузьмина, стереотипное-е изд., Москва: URSS, 2017. 269 с.
5. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: человек, текст, семиосфера, история / Ю. М. Лотман, Москва: Язык русской культуры, 1996. 447 с.
6. Лю Б., Перфильева Н. В. Интертекстуальность новостных заголовков в контексте цифровых медиа на материале русского и китайского языков // Litera. 2024. № 1. С. 92-103.
7. Рыжаков В.С. Лингвистические основы теории интертекстуальности // Litera. 2024. № 1. С. 57-64. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.69595 EDN: NHKAXI URL: https://e-notabene.ru/fil/article_69595.html
8. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности / Н. А. Фатеева, стереотипное-е изд., Москва: ЛЕНАНД, 2023. 280 с.
9. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания. //Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. / Ч. Филлмор, Москва: Прогресс, 1988. 313 с.
10. Eco U. The role of the reader: explorations in the semiotics of texts / U. Eco, Bloomington: Indiana University Press, 1979. 273 с.
11. Emmott C. Narrative comprehension: a discourse perspective 1997.
12. Fauconnier G., Turner M. The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities // 2008.
13. Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English / M. A. K. Halliday, R. Hasan, 0-е изд., Routledge, 2014.
14. Langacker R. W. Foundations of cognitive grammar. Vol. 1: Theoretical prerequisites / R. W. Langacker, Nachdr.-е изд., Stanford, Calif: Stanford Univ. Press, 2014. 516 с.
15. Minsky M. A Framework for Representing Knowledge под ред. J. Haugeland, The MIT Press, 1997. С. 111-142.
16. Panagiotidou M. E. Intertextuality and literary reading: a cognitive poetic approach.

2012.

17. Riffaterre M. The Self-Sufficient Text // Diacritics. 1973. № 3 (3). С. 39. URL: <https://doi.org/10.2307/464526>
18. Rubtsova S. Y. Frame-modelling of intertextual connections marked by precedent units containing proper names and their derivatives (A case study of English language media texts) // Journal of Teaching English for Specific and Academic Purposes. 2019. С. 463. URL: <https://doi.org/10.22190/JTESAP1904463R>
19. Schank R. C. Dynamic memory revisited / R. C. Schank, Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 1 с.
20. Semino E. Schema theory and the analysis of text worlds in poetry // Language and Literature: International Journal of Stylistics. 1995. № 2 (4). С. 79-108. URL: <https://doi.org/10.1177/096394709500400201>
21. Stockwell P. Texture: a cognitive aesthetics of reading / P. Stockwell, Edinburgh: Edinburgh University Press, 2012. 216 с.
22. Tatsakovich U. Frame Semantics and Translation of Intertextuality // Studies About Languages. 2019. № 35. С. 104-120. URL: <http://dx.doi.org/10.5755/j01.sal.0.35.24016>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования рецензируемой статьи направлен на анализ т.н. «интертекстуальных фреймов». Автор останавливается на теории и практике данного явления. При этом указанный вопрос в принципе достаточно объемно изучен в научной среде, исследований конструктивного порядка хватает. Данный материал имеет несколько незавершенный вид, автору не удается полновесно и целостно достичь поставленной цели, задачи исследования решаются непоследовательно, не очень понятен вопрос и методология. Этот блок очень просторный, даны «цитации» из У. Эко, ряда других теоретиков, но собственно ничего не сказано как именно будет производиться оценка «фреймов»: «другими словами, текстовая информация и интертекстуальные знания читателя в двух входных пространствах объединяются в единое пространство. Это смешанное пространство, то есть интертекстуальный фрейм, включает в себя как текстовую, так и интертекстуальную информацию, и взаимодействие между этими двумя формами данных влияет на опыт чтения» и т.д. Научный труд все же должен быть качественным, серьезным, конструктивным, но объективно понятным. Отмечу, что работа перенасыщена тавтологическими блоками, они затрудняют восприятие информации. При этом тема статьи как таковая и не раскрывается. Необходима в данном случае серьезная переработка текста: например, «она, исходя из своего разделения интертекстуальных знаний¹, выделяет три типа интертекстуальных фреймов. Это семантические, тематические и стилистические интертекстуальные фреймы. Если первый тип интертекстуального фрейма возникает при выявлении конкретных лексических элементов, таких как глаголы или существительные, в литературных произведениях, то второй касается более сложных структур, включая обстановку, события и персонажей, участвующих в конкретных текстах. И, наконец, стилистический тип интертекстуального фрейма вступает в действие при выявлении шаблонных словосочетаний или жанрового сходства между художественными текстами» и т.д. Основная часть исследования есть компилятивный набор «оценочных суждений», реферативный тон значительно больше аналитического: например, «хотя последняя представляет собой неизменную текстовую информацию, внимание читателя может быть

привлечено к различным словам и словосочетаниям статического текста за счет интертекстуальных знаний, активизирующихся в процессе чтения. Наконец, но не менее важно, интертекстуальное знание может быть активировано и связано с данным текстом только тогда, когда человек участвует в процессе чтения», или «поскольку интертекстуальная текстура приобретает непрерывность в соответствии с вышеизложенными критериями, «тонкие» и «слабые» интертекстуальные текстуры становятся частями оси соответственно. Например, с одной стороны, сильная текстуальность и отчетливая специфичность вместе с длительным резонансом и высокой детализацией образуют тонкую интертекстуальную текстуру, а с другой стороны, слабая текстура состоит из таких показателей, как слабый, неопределенный, сиюминутный и низкий». Материал перегружен сверх «теоретизацией», причем, порой, явно не имеющей буквального отношения к рассматриваемой теме. Путаница должна быть снята, работе требуется должная корректива. На мой взгляд, необходимо вычитать работу, устраниить явные ошибки / опечатки: например, «последний, то есть термин, введенный Ю. М. Лотмана [4, с. 59], представляет собой своего рода стратегии восприятия взаимосвязанных текстов...» и т.д. В научном изыскании фактические ошибки явно не допустимы! В ряде мест не очень понятны довольно большие «языковые тирады объяснений почему выбрана тема, к чему сводится цель»: «общая и теоретическая информация была представлена в краткой форме. Следует отметить, что тема исследования еще недостаточно хорошо изучена. Поэтому, исходя из цели исследования, данная работа основывается на исследовании Панагиотиду. Поскольку процесс возникновения интертекстуальных фреймов во многом зависит от читателя, это ограничивает возможность создания определенного образца формы интертекстуального фрейма...» и т.д. При т.н. «анализе» конкретных примеров, автор сочинения косноязычен, стиль никак не соотносится с собственно научным типом: «иными словами, стихотворение отсылает к одному из самых знаменитых поэтов русской литературы и его творчеству. Если читатель знаком с Александром Сергеевичем Пушкиным, он может знать и о другом поэте, который был с ним современником и которому посвящено стихотворение. Точно так же в одной строке читатель вспомнит двух поэтов, Пушкина и Дельвига, и стихотворение, написанное Пушкиным своему современнику. Более того, если читатель обладает достаточными знаниями, это может способствовать созданию прекрасной интертекстуальной цепочки в рамках его знаний через стихотворение Дельвига к Пушкину». Это, конечно же, никакой не анализ, тем более фреймовой структуры, или интертекстуальности. Некоторые «положения» также не очень понятны: например, «можно предположить, что, если читатель работает с текстом, написанным на его родном языке, он может установить интертекстуальные связи между ним и другими текстами. Однако если текст читает читатель, для которого этот язык является иностранным, сомнительно, что подобная интертекстуальная цепочка может быть построена. Кроме того, неясно, сохранят ли вышеупомянутые интертекстуальные фреймы свои первоначальные характеристики или претерпят трансформацию». Конечно же, при переводе, или для иностранца «интертекстуальные фреймы» будут трансформированы, сам автор в этом уверен, но почему-то задается вопросом!? На мой взгляд, не хватает в работе иллюстративного материала, выдернутые цитаты, не цельный анализ процесса, нет и какой-то конструктивной новизны в исследовании. Заключение слабо связано с основной частью, рассуждения общего порядка явно не подходят. Таким образом, можно констатировать, что материал не имеет целности, он конструктивно слаб, авторская позиция выражается «неуверенно»; в работе много спорных мест, ряд тезисов не подкрепляется должной аргументацией. Статья «Интертекстуальные фреймы: особенности и виды интертекстуальных фреймов (на материале художественных текстов)» в данном виде не может быть рекомендована к открытой публикации в научном

журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования – особенности и виды интертекстуальных фреймов в художественных текстах. Фреймовый анализ разного рода литературных произведений позволил автору получить представление о разнообразных проявлениях интертекстуальных фреймов.

Методология исследования основана на применении интертекстуального и концептуального анализа в сочетании с описательным и сравнительным методами.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью процесса интерпретации интертекстуальных фреймов. Интертекстуальность является многомерной категорией текста, которая способствует целостному восприятию авторского индивидуально-личностного стиля, а интертекстуальные фреймы являются ментальными конструкциями, объединяющие текстовую информацию и интертекстуальные знания, следовательно, для понимания и интерпретации художественного текста читателю важно обладать интертекстуальной компетенцией.

Научная новизна заключается в том, что автор проводит сопоставительный анализ интертекстуальных фреймов у носителей и не носителей языка, наглядно демонстрируя важность их наличия в когнитивной базе читателя для успешного диалога концептуальных систем автора и читателя.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы, автор аргументирует актуальность выбранной темы и приводит теоретическую базу исследования); методология (автор уточняет использованные в работе термины и понятия, рассматривает активизацию интертекстуальных знаний и формирование интертекстуальных фреймов, для наглядности приведены иллюстративные примеры и схемы, в работе представлена методология для анализа интертекстуальных фреймов в художественных текстах); виды интертекстуальных фреймов (автор рассматривает интертекстуальные знания как основу формирования интертекстуальных фреймов; на конкретных примерах продемонстрированы категории интертекстуальных знаний; дана характеристика категорий интертекстуальных фреймов); особенности интертекстуальных фреймов (характеризуются ключевые признаки интертекстуальных фреймов; для наглядности приведена схема); обсуждение и результаты работы (автор отмечает, что исследования такого когнитивного процесса как активация интертекстуальных фреймов отличается вариативностью и зависит от читателя; на примере стихотворения С. Есенина «Письмо к сестре» демонстрируются интертекстуальные ссылки к другим произведениям; приводится сравнение интертекстуальных фреймов у носителей различных языков); заключение (выводы); библиография (включает 19 источников отечественных и зарубежных авторов). Содержание в целом соответствует названию.

Выходы, интерес читательской аудитории.

Проведенное исследование позволило систематизировать существующие подходы к проблеме межтекстового взаимодействия, автор на конкретных иллюстративных примерах продемонстрировал роль интертекстуальных фреймов в понимания и интерпретации художественного текста, использованная методология может быть применена и к текстам самых разных жанров и стилей.

Рекомендации автору:

1. Необходимо унифицировать упоминания исследователей и авторов художественных произведений в тексте статьи (Ю. М. Лотманом, Эко был, Фоконье и Тернер, Сергея Есенина, Александром Сергеевичем Пушкиным и т.д.).
2. В библиографии уместно увеличить долю научных работ за последние 3 года.
3. В тексте присутствуют опечатки (Ивана Крилова «Стрекоза и муравей»), необходимо также перепроверить оформление названия рассказа Нуриддина Эгамова («Нарисуй мне, пожалуйста, маленького барашка...», или 880 001-го письма Маленькому принцу).
4. В представленной в работе схеме на Рис. 1 было бы уместно добавить перевод. По тексту статьи также необходимо унифицировать предоставление перевода: Выделяются две категории интертекстуального знания: тематическая (thematic) и стилистическая. Тематическая категория также делится на две подкатегории: тематическую (topical) и семантическую.
5. Возможно, при загрузке статьи возник некоторый технический сбой, нужно унифицировать подзаголовки.

В целом рукопись соответствует основным требованиям, предъявляемым к научным статьям. Материал представляет интерес для читательской аудитории и после доработки может быть опубликован в журнале «Litera».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена особенностям и видам интертекстуальных фреймов. Предмет исследования актуален ввиду обращения автора к феномену интертекстуальности и к интертекстуальным фреймам («к одной из структур, лучше всего выражающих интертекстуальность»). Несмотря на растущий научный интерес к когнитивным аспектам текста и актуализации интертекстуальных связей текста в дискурсе, «количество исследований, посвященных этой теме, недостаточно». Как отмечают автор(ы), «в качестве последних исследований можно представить только следующие: исследование интертекстуальных фреймов в медиа дискурсе, где имена собственные и их производные служат интертекстуальными маркерами, или анализ интертекстуальности и ее трансляция в контексте семантики фрейма», заключая, что «в свете вышеизложенного данное исследование характеристик и компонентов интертекстуальных фреймов можно считать актуальным».

Теоретической базой данного научного труда послужили работы таких российских и зарубежных ученых, как Ю. М. Лотман, Ю. Н. Караполов, Л. А. Кузьмина, В. С. Рыжаков, Н. В. Перфильева, Лю Бо, Ч. Филлмор, У. Эко, М. Е. Панагиотиду, Г. Фоконье, М. Тернер, Р. В. Лангакер и др., посвященные теории интертекстуальности, фреймам и семантике понимания. Библиография соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи.

Методология исследования определена поставленной целью («получить представление о разнообразных проявлениях фреймов посредством фреймового анализа литературных произведений») и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; общелингвистические методы наблюдения и описания, методы дискурсивного и когнитивного анализа, а также непосредственно фреймовый анализ литературных произведений («в отличие от традиционного подхода к анализу фреймов, в нем используется сопоставительная методология для изучения интертекстуальных фреймов у носителей и не носителей языка»). Опираясь на работу М. Е. Панагиотиду,

автор(ы) предлагают особую методологию для анализа интертекстуальных фреймов в поэме С. А. Есенина «Письмо к сестре», включающую теоретические и практические элементы. Представленный материал становится более понятным благодаря рисункам, изображающим базовую схему концептуальной сети смешивания; точную и слабую интертекстуальную текстуру и интертекстуальный фрейм-анализ стихотворения «Письмо к сестре» С. А. Есенина.

Полученные результаты имеют теоретическую значимость («данное исследование стремилось пролить свет на интертекстуальные фреймы и их характеристики, обеспечивая ценное понимание этой малоизученной области интертекстуальности») и практическую ценность: их можно использовать при разработке курсов по теории языка, теории интерпретации, стилистике, интерпретации текста.

Библиография статьи составляет 22 русско- и англоязычных источника, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Однако рекомендуем автору(ам) обратить внимание на оформление библиографического списка (см требования редакции). Высказанное замечание не является существенными и не влияет на общее положительное впечатление от рецензируемой работы.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Работа выполнено в русле современных научных подходов. Выводы исследования соответствуют поставленным задачам, сформулированы логично и отражают содержание работы. Стиль изложения материала отвечает требованиям научного описания. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».